

Реймер Л.А.

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦИКЛ И ИНВЕСТИЦИИ

Отличительные признаки любой области науки - методология и специфический язык. Задача последних - формирование и воспроизводство профессиональных знаковых систем, использование которых обязательно для доказательного описания и анализа исследуемого явления или научного опыта. В естественных и технических дисциплинах с доминированием инструментированных методов измерения и долговременных детерминированных постоянных сложился язык, позволяющий профессионально подготовленным специалистам оценить суть, логику и, в конечном счете, неопровержимость приведенных доказательств.

Принципиально иное положение в общественных и, шире, гуманитарных науках, где объекты исследования - свершившиеся и невозпроизводимые факты, дополненные описаниями сопутствующих предшествовавших обстоятельств. Методология таких исследований ориентирована преимущественно на поиск и трактовку аналогий, а анализ - на оценку, описание, систематизацию и классификацию вероятных мотиваций поведения индивидов и структурированных социальных групп. Систематизируя и описывая возникающие вновь или повторяющиеся факты человеческой деятельности, экономическая наука (как, впрочем, и любая другая наука, исследующая, обобщающая и описывающая явления общественной жизни) обнаруживает причинно-следственные связи, проявляющиеся объективно и независимо от воли людей, анализирует их присущими ей методами и описывает соответствующим языком.

Процессы, протекающие в общественной среде, по своей природе не стационарны. В их формировании участвует множество факторов (производственных, институциональных, правовых, социальных, традиционно-бытовых, природных и т.п.), которые соединяются в сложные комбинации, меняющиеся во времени и пространстве. Кроме того, эти процессы протекают в среде регулирования, где общие рамки задаются правом и практикой его применения, а постоянные или периодически возникающие связи между факторами не механистичны, а

скреплены договорными или традиционными отношениями. Даже внешне однотипные и повторяющиеся проявления человеческой деятельности узнаваемы по некоторым систематизированным ранее и описанным свойствам, но не с точностью лабораторного опыта или алгоритма действия механического устройства.

Количественные параметры и описательные характеристики, помогающие регистрировать изменения различных сторон общественного бытия, могут анализироваться и доказательно оперировать полученными результатами только при наличии сравнительно длительного периода наблюдения, чтобы обнаружить и выделить определенный тренд. Именно по этим причинам гуманитарным наукам, по мнению автора, следует с пиететом заботиться о точности формулировки каждого термина, точного определения области его применения и мотивированной трактовки, так как на этой базе формируются понятия, базовые аксиомы, исследовательские гипотезы и системы логичных доказательств.

Наконец, необходимо заметить: экономика не только одна из неотъемлемых глав науки об обществе, но и сфера человеческой деятельности, на которую прямо влияет многообразие форм и поводов обменных отношений, системная сложность их подготовки и осуществления. Эволюция понимания обществом стабильности экономических и социальных обменов как важного фактора жизнеобеспечения имела прямым следствием введение и постепенное развитие института обязательности правил регулирования (традиционных и/или правовых) как обязательного и действенного инструмента предотвращения или разрешения конфликтных ситуаций.

С учетом этого обстоятельства первичным в описании и регулировании общественных отношений становится обязательность однозначной трактовки тех аспектов взаимоотношений сторон, где разночтения с большой вероятностью приводят к ущербу интересов одной из них, а, следовательно, потенциально провоцируют конфликты. Соответственно, когда социально-экономическая терминология переключивается в нормативно-законодательные акты и описание традиций, обычно сообща регулирующих отношения обмена, она, в силу своего функционального предназначения, обязана минимизировать возможность разной трактовки применяемых терминов. В противном случае затрудняется исполнение функции организующей знаковой системы, нарушается автоматизм регулирующих воздействий.

Целевая задача регулирования социально-экономических отношений - выстраивание базовой конструкции, предназначенной обеспечивать:

- равноправную защиту прав всех участников;

- эффективное расходование обращающихся в конкретной сфере человеческой деятельности общественных ресурсов;
- рациональное формирование и распределение общественных фондов;
- создание и оформление организационных процедур, облегчающих преодоление конфликта интересов участников;
- сравнительно быструю адаптацию законодательства к эволюции хозяйственной практики и информационного обеспечения.

В этой связи каждый нормативный акт, включаемый в свод общепринятых правил, должен быть понятен и однозначно трактуем всеми пользователями, т.е. самими участниками отношений регулирования и занятыми в практике контроля и правоприменения. Соответственно, понятийный аппарат каждого нормативного акта должен определять:

- субъекты и объекты регулирования, специфическую (т.е. отличную от других) систему их отношений;
- цели, методы, механизмы и инструменты регулирования;
- права и возникающие обязательства участников регулируемых отношений, включая обязательства перед третьими лицами;
- права и возникающую ответственность регулирующих организаций;
- рекомендуемые и стандартизированные процедуры обеспечения прав и исполнения обязательств;
- рекомендуемые стандартизированные процедуры разрешения конфликтов интересов.

Особость понятия «инвестиции» в экономической практике и исследовательской тематике определяется его ролью в процессе расширенного воспроизводства. Современные российские специалисты [1, 2, 3, 4 и др.] довольно часто представляют инвестиции как нечто данное, общеизвестное, как правило, ссылаясь на терминологию, зафиксированную действующим законодательством, прежде всего, Законом «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» 1991 г. [5], и ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» 1999 г. [6]. Первый предлагает следующее определение: «Инвестициями являются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта». Второй исключает из перечня «целевые банковские вклады, паи, акции и интеллектуальные ценности», что не меняет сути определения. Очень близкое

определение дают и «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов» [7].

В стране сменились правоотношения в управлении финансами и собственностью, а описание и, главное, понимание социально-экономической подоплеки процессов, непосредственно связанных с регулированием развития страны, остались на уровне середины прошлого века. По сути, в приведенных определениях без достаточных оснований и вопреки здравому смыслу налицо попытка соединить целевое назначение инвестиций (вложения в прирост капитала, подразумевающие рост его рентабельности) и возможные варианты финансирования этого процесса (источники финансовых ресурсов).

Между тем инвестиции (добавленный капитал) и их финансирование связаны с существованием собственника как владельца капитала и основного распорядителя денежных средств, обращающихся в экономике. Причем в данной ситуации принципиально не то, кто собственник - государство или частное лицо, поскольку, по крайней мере, в силу реальной экономической логики и с позиций ответственности перед обществом за использование располагаемого производительного капитала (национальных ресурсов) оба должны исправно исполнять (с позиций полезности для общества и, главное, ответственности перед ним) сходные функции и, по большому счету, преследовать близкие интересы.

При мобилизационной экономике централизованно-плановое распределение ресурсов на национальном, да и на территориальном уровне по умолчанию предполагало решающее значение политической воли. Соответственно, методы разрешения конфликта интересов, даже теоретически совершенные, на практике бессильны, поскольку:

а) в каждый данный момент неизвестно конечное число игроков и их потребность в ресурсах *по срокам поступления*;

б) переменны и трудно просчитываемы *комбинации* использования ресурсов;

в) лица, принимающие решения, в силу п.п. а) и б) не располагают достаточной информацией, а также физически не способны участвовать в оценке, оформлении и контроле исполнения множества актов перераспределения ресурсов, протекающих в народном хозяйстве, во-первых, параллельно, во-вторых, с разной скоростью.

Нетрудно предположить, что законам, регулирующим инвестиционные отношения, необязательно определять экономическую (и даже юридическую, если предположить, что таковая существует) сущность инвестиций. Достаточно определить цели и область регулирования и, соответственно, правоотношения, возникающие между его субъектами,

включая государство. Причем правоотношения и коллизии, имеющие место при их реализации, логичнее зафиксировать простым перечнем. В данном случае, по мнению автора, законодатель без достаточных оснований и необъясненной цели соединил почти все возможные *институциональные источники* получения *инвестиционных средств*, однако проигнорировал, во-первых, разные принципы их транзакционного обслуживания и регулирования и, во-вторых, разные методы их учета в бухгалтерском балансе. В результате понятие «инвестирование» фактически стало синонимом термина «финансирование инвестиций».

Расширенное воспроизводство материализует общественную мотивацию бережливости. Мобилизационная модель экономики не ограничивает вмешательство государства в хозяйственную практику, что автоматически ведет к упрощенному пониманию природы коммерческих рисков и, соответственно, к их поверхностному учету. В итоге долгосрочные системные последствия того или иного распределения ресурсов опираются на политические, а не на экономические оценки, соответственно, выстраиваемая структура активов (технологическая, финансовая и социальная) последовательно искажается в пользу инфраструктурных отраслей. Положение усугубляется монопольным правом на выпуск денег, что в данной ситуации лишь опосредованно выполняют функцию оценки богатства.

При эффективном институте частной собственности возможность превратить текущие сбережения в будущий личный капитал рождает принципиально иное отношение к структуре национального капитала. Его составные части определяются текущими общественными запросами (конечными потребителями) и сэкономленными обществом ресурсами. Частные интересы обостряют отношение к рискам и, как неизбежное следствие, к конфликтам интересов. Причем при нынешних масштабах и географии деньги лишь обслуживают реальные обмены продуктов. Они «... не столько расходуются физически, сколько просто переходят от одного человека к другому» [8].

Институт частной собственности трансформировал соревновательный инстинкт человека, чем породил и развил для общественной пользы институт конкуренции. Результатом такого симбиоза стали фундаментальные принципы функционирования рыночного хозяйства - формы организации общества, где первичны умение принимать решения, стремление к компромиссам и, главное, безусловная личная ответственность за последствия принятых решений и обязательств.

Отношение к институту собственности - разграничитель в понимании экономической природы инвестиций. Сторонники прямого государ-

ственного вмешательства в экономику полагают, что реальный контекст снимает неопределенности. Например, «Под инвестициями обычно понимают поток вложений средств, отвлеченных с определенной целью от непосредственного потребления» [9, с.32]. И далее: «Под инвестиционным проектом (ИП) будет пониматься любое мероприятие (предложение), направленное на достижение определенных целей (экономического или внеэкономического характера) и требующее для своей реализации расхода или использования капитальных ресурсов. . .» [9, с.33].

Но, во-первых, совсем неясно, что такое «поток вложения отвлеченных средств». Все же нетрудно догадаться, что инвестиции материализуются из привлекаемых ресурсов, которые лишь для удобства взаиморасчетов измерены в стоимостном эквиваленте. Во-вторых, отвлекать от «непосредственного потребления»* допустимо, но лишь опираясь на идеологию мобилизационной экономики, и то безгранично. Очевидно, речь все же должна идти о текущем потреблении и именно ресурсов, когда более рациональное использование обеспечивает текущую экономию ресурсов. В-третьих, вряд ли правомерно называть инвестиционным проектом «любое мероприятие (предложение)», если определены его «цели (экономического или внеэкономического характера)» и используются «капитальные ресурсы». При столь расплывчатом подходе сдача в аренду концертной площадки на один или два вечера и многолетнее строительство нового блока АЭС формально - явления одного экономического порядка. В-четвертых, в данном контексте понятие «капитальные ресурсы» как-то принижает значимость финансового обеспечения для конкретного инвестиционного проекта. Между тем теория и, тем более, практика рассматривают выбор схемы финансирования конкретного инвестиционного проекта как существенный элемент оперативного управления.

Поэтом обстоятельнее и убедительнее Клас Эклунд: «Инвестиции (капиталовложения) - это то, что откладывают на завтрашний день, чтобы иметь возможность больше потреблять в будущем. Одна часть инвестиций - это потребительские блага, которые не используются в текущем периоде, а откладываются в запас (инвестиции на увеличение запасов). Другая часть инвестиций - это ресурсы, которые направляются на расширение производства в будущем (вложения в здания, машины и сооружения). В системе национальных счетов статистика инвестиций включает только «материальные» капиталовложения в машины, здания

*В Марксовой схеме кругооборота капитала [10, с.394-596] для осуществления расширенного воспроизводства необходимо, чтобы годовая стоимость товарной массы производства средств производства (I подразделение) была больше суммы перенесенной в течение года стоимости постоянного капитала обоих подразделений.

и сооружения, но не учитывает все более важные инвестиции в «человеческий капитал» и знания, а также научные исследования и образование. Поэтому понятие инвестиций является не вполне точным» [11, с.133]. В данном подходе капитал - источник текущих инвестиций и, одновременно, аккумулятор накопления будущих.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать: при стремлении граждан и хозяйствующих субъектов к накоплениям товарный обмен и сопровождающие его денежные расчеты позволяют аккумулировать материальные и капитальные блага и финансовые ресурсы, не потребленные вследствие проявленной бережливости.

Тем не менее, независимо от декларируемой экономической модели неизбежен перманентный пересмотр ценности накопленного, учитывающий спрос на наличные и ожидаемые в текущем производственном цикле капитальные и потребительские блага и на признанную цену национальной валюты. Заметим, что если в мобилизационной модели мифологизировался план, то в рыночной - банковская система, которая якобы «... служит нервной системой экономики, ... является важнейшим инструментом инвестиций и роста...» [12].

В самом деле, в периоды экономического роста агенты рынка предъявляют повышенный спрос на деньги, поскольку устойчив миф, будто бы сам факт обладания ими как бы автоматически обеспечивает доступ к ресурсам. Разветвленная система кредитования облегчает частному и корпоративному потребителю доступ к денежным ресурсам. Но при системе частичного резервирования банки предлагают финансовые средства, частично свободные от обязательств, в результате «... происходит всего лишь искусственный прирост предложения кредитных ресурсов» [12].

Расширенное воспроизводство - процесс непрерывный, но неравномерно протекающий во времени. Соответственно непрерывен и инвестиционный процесс, что по определению подразумевает управление его течением. Тогда правомерно говорить об инвестиционной политике как обоснованной и целенаправленной последовательности действий, рассчитанных на фиксированный срок и ориентированных на определенную стратегию. Для долгосрочной национальной инвестиционной политики опасна кредитная экспансия, которая увеличивает разрыв между объемами реально обращающихся в экономике ресурсов и денег. Растущее денежное предложение маскирует фактическое снижение процентной ставки, а, следовательно, и рост доступности денег для каждого из потенциальных предпринимателей, в результате к реализации принимаются проекты с удлиненными сроками реализации и более капиталоемкие.

Как пишет Хаберлер [13], первыми от роста доступности денег выигрывают производства с большей долей постоянного капитала. Когда дисбаланс материальных ресурсов и денежной массы становится ощутимым, проекты постепенно, но неизбежно замораживаются. Долгих периодов высокой инфляции не выдерживают в первую очередь предприятия с длинными технологическими цепочками. Именно по этой причине отечественным предприятиям с высокой степенью переработки при нынешних уровнях инфляции, располагаемых ресурсах и оплате труда сложнее принимать инвестиционные решения. При нынешнем уровне инфляции окупаемыми, чаще всего, будут краткосрочные и некапиталоемкие проекты и/или проекты, ориентированные на внешний рынок, а также осуществляемые совместно с зарубежными инвесторами, заинтересованными профессионализмом исполнителей и зачастую низкой стоимостью инфраструктурных услуг.

В выступлении на XV отчетно-выборном Съезде РСПП А.Н. Шохин призвал бизнес-сообщество осознать необходимость «создавать и развивать рыночные институты, способные ускорять инвестиционные процессы в реальном секторе» [14]. Трудно спорить. Однако высокая инфляция повышает спрос групп со сравнительно высокими доходами, стимулируя производство дорогостоящих и спекулятивных продуктов, например, предметов роскоши и/или объектов недвижимости, отвлекая ресурсы и, следовательно, удорожая инвестиционный цикл.

По мнению автора, обозначились два типа инвестиционной деятельности, взаимодополняющие и взаимообусловленные, но одновременно и относительно самостоятельные в тактике решения оперативных задач. Первый лежит в сфере экономических отношений и функционально изменяет технологическую структуру капитала, его органическое строение. Собственника интересует не столько изменение номинальной стоимости капитала, сколько рост производственного потенциала*. Второй - в сфере финансовых отношений, где перераспределяется имеющийся капитал, т.е. меняется структура собственников, а не капитала.

С позиций функциональной предназначенности инвестиции первого типа можно назвать созидательными (или предпринимательскими), а второго - перераспределительными (или спекулятивными). Каждый из типов инвестиционной деятельности** в основном институционально обустроен, готов к самостоятельной реализации собственных проектов.

*Рассматриваемый как рост возможности: а) производить большую прибавленную стоимость, и/или б) расходовать меньшие ресурсы на производство сопоставимой по величине прибавленной стоимости.

** Сходное функциональное разделение предлагают и многие западные экономисты, например, П. Самуэльсон, Л. Мизес, А. Хаек, О. Бем-Баверк, Й. Шумпетер, Г. Хаберлер и др.

Однако для инвестиционного решения важна мотивация принимающего лица. Созидательные инвестиции предполагают наличие предпринимателя, деятельность которого мотивирована убежденностью в перспективности своего видения использования ресурсов. Собственника больше заботит расширение капитала, возможность иначе позиционировать себя на рынке (при оценке инвестиционного проекта операционная прибыль для него лишь инструмент, средство для последующей экспансии капитала). В силу этого при выборе проекта он не только минимизирует риски, но и принимает на себя полноту ответственности за его результативность.

Однако, как пишет Л. Мизес: «Капиталисты и предприниматели в роли собственников капитала никогда не являются совершенно свободными; они никогда не находятся накануне первого решения и действия, которыми окажутся связаны в дальнейшем... Их средства не пребывают вне общественного процесса производства, а всегда во что-то инвестированы» [15, с.472]. К тому же «... все материальное богатство представляет собой сухой остаток прошлой деятельности и воплощено в конкретных капитальных благах ограниченной адаптируемости. Накопленные капитальные блага ориентируют действия живущих в направлении, которые сами бы они не выбрали, если бы их свобода выбора не была ограничена связывающим действием, совершенным в прошлом. Выбор целей и средств для достижения этих целей обусловлен прошлым. Капитальные блага представляют собой консервативный элемент. Они вынуждают нас приспособлять свои действия к условиям, созданным нашим предыдущим поведением, а также размышлениями, выбором и деятельностью ушедших поколений» [15, с.473].

Поэтому собственник вовлекает в инвестиционный процесс финансовую систему - аккумулятор финансовых ресурсов. Владелец производительного капитала мыслит категориями продукта, производственных мощностей, ресурсов, предпочтений потребителей, конкурирующих предложений, финансы для него не более чем средство наполнения кровеносной системы экономики. Между тем, выбор финансовых инструментов, рационализирующих обслуживание проекта, представляется ему естественным организационным решением. Даже при реализации совместной финансовой политики собственники производительного и финансового капитала исходят из разных посылок. Первый исходит из обеспечения рационального финансирования инвестиционного проекта, второй - из возможных выгод от временного обслуживания деньгами данного проекта. Для владельца финансов состояние финансового рынка, цены и спрос на ценные бумаги и т.п. важнее технологических ха-

рактеристик. Именно поэтому финансовые инструменты* формируют особый рынок.

Этот рынок более информационно-зависим, он по определению глобален, а поведенчески, мягко говоря, нервен. Обращающиеся здесь продукты - фиксированная часть действующих капиталов, точнее их формальные символы. Вне связи с производственными отношениями общественная значимость ценных бумаг иллюзорна (достаточно вспомнить советские восстановительные облигации, акции МММ и т.п.), практический смысл и, соответственно, стоимость придают им традиции и законы, наделяя статусом средства обращения. При неэффективном государстве и повальной вере населения в финансовые чудеса они чисто символически отображают производительный капитал.

В массовых обменах ценные бумаги обретают самостоятельную жизнь. Однако владелец производительного капитала, продавая права на некоторую часть своего имущества, не подразумевает его физическое расчленение (если, конечно, не имеет место реальная реструктуризация капитала, и часть капитала не продается как отдельные объекты имущественного комплекса). Но вырученные таким образом финансовые средства, вложенные в новый проект, правомерно считать предпринимательскими инвестициями.

Велика роль финансов** в обслуживании и документально- стоимостном оформлении инвестиционного процесса. Однако если организация осуществляет покупку новых активов как часть долгосрочной политики диверсификации капитала, налицо инвестиционное решение. Если же цель - последующая перепродажа, сделка спекулятивная, так как решение опирается на сопоставление цены предложения с учетом предпочтений и реальной ценой (при отсутствии критических обстоятельств) с перспективами продажи в неизменном виде или по частям, после модернизации управления и улучшения финансового состояния и т.п.

Финансовая организация, предоставляющая кредит на инвестиционный проект под обеспечение, всего лишь дает деньги в долг. Ее денежные «интересы» исключительно в величине получаемой маржи. Точно также пенсионный фонд или страховая компания при выборе объектов вложений оперируют не прогнозами производственных доходов, а ценами акции и оценкой их стабильности. Капитализация растущей и

*Они обладают главными признаками денежного товара - делимостью, обязательностью измерения в сопоставимых стоимостных единицах, простотой учета, хранения и смены владельца, конкурентно меняющимися ценами и, следовательно, ликвидностью.

**В данном случае не рассматриваются инвестиционные проекты финансовой организации, меняющие технологическое или организационное оснащение или диверсифицирующие активы.

преуспевающей компании сильно отрывается от текущей суммы задействованных факторов производства.

Инвестиции в сфере экономических отношений отличаются от инвестиций в сфере финансовых отношений осознанием личной ответственности и специфических рисков. Предприниматель и капиталист за благополучное завершение проекта отвечают принадлежащими им факторами производства (капитальными благами), их риск локален и определяется будущим состоянием рынка, причем в большей степени конечного потребления, чем капитальных благ. Напротив, финансовая организация делит ответственность между всеми соучастниками (вкладчиками) используемого капитала, ее собственные средства в каждом проекте минимизированы, соответственно распределяется и риск, который в данном случае больше зависит от состояния финансового рынка и лишь косвенно от рынка товаров и услуг, причем и в данном случае в основном капитальных благ.

Государственное участие в инвестиционном процессе всегда чревато: чем оно шире и активнее, тем выше вероятность, во-первых, ограничения возможных вариантов распределения ресурсов, во-вторых, успеха лоббистов. «Будущее в любом случае, - пишет Б. Львин, - остается непредсказуемым; безрисковых инвестиций не бывает по определению. Единственное различие между частной оценкой риска и «государственным контролем» . . . состоит в том, что в первом случае убытки локализованы, а во втором - убытки несут все участники рынка одновременно и кумулятивно» [12].

В современной России настораживает неконтролируемая ответственность государства: ограниченность ресурсов в инвестиционном процессе не абстрактна: ресурсы, затраченные на один проект, ограничивают возможности осуществления другого. Ущерб неверных решений при бесконтрольном распоряжении национальными ресурсами распределяется на всех членов общества как коллективных совладельцев. Причем потенциальные ущербы далеко не всегда очевидны, так как системны. Их неправомерно рассматривать исключительно как прямое снижение доходности капитала, вложенного в реализацию конкретного проекта.

Как отмечалось, инвестиционный процесс непрерывен и формируется множеством отдельных проектов, растянутых во времени. Он - неотъемлемая составляющая воспроизводственного цикла и протекает с неодинаковой скоростью в разных технологических секторах, на разных территориях, но един и системен. Для экономистов-аналитиков текущее положение с инвестициями и их динамика в предшествующий период достаточно точно характеризуют ситуацию в экономике предприятия,

территории или страны. Осознание и, в еще большей степени, массовое декларирование фундаментальной роли инвестиций в воспроизводственном цикле имеет следствием естественное желание общества и в первую очередь государственной бюрократии активно регулировать инвестиционный процесс. Сторонникам усиления роли государства представляется, что целенаправленное и системное регулирование инвестиционных процессов позволит ослабить зависимость национального хозяйства от экономических спадов и рецессий. Однако практических доказательств и даже сколько-нибудь убедительных теоретических обоснований этой гипотезы не представлено.

Как ранее отмечено, отношение собственников к расходам на реструктуризацию технологической и/или финансовой структуры активов лежит за границами текущей хозяйственной практики. Кроме того, в нынешней постиндустриальной экономике экспоненциально растет значимость знаний, человеческий капитал [16, 17, 18 и др.] превращается в доминирующий фактор общественного развития. Наконец, как отмечалось, функционально элементы инвестиционного процесса входят в более узкие сектора человеческой деятельности: в организацию экономических и социальных обменов, в развитие технологической и организационной, финансовой и рыночной инфраструктуры, в законодательство и правоприменительную практику и т.д. Естественно, проще и практичнее регулирование узких сфер человеческой деятельности, однако соблюдая единую концепцию целей общественного развития.

Автору представляется правомерной следующая схема государственного регулирования:

- институциональное, предоставляющее экономическим агентам «правила поведения»;
- нормативно-правовое обеспечение прав собственности (включая права на интеллектуальные продукты), прозрачный и равный доступ к распределению природных ресурсов и факторов производства и к базовым элементам рыночной инфраструктуры;
- действующие и саморазвивающиеся институты гражданского общества, включая структуры, отслеживающие и регулирующие прозрачность рыночных обменов и соблюдение правил корпоративной этики;
- организационно-технологическую инфраструктуру, необходимую для разработки и реализации инвестиционных проектов;
- правоприменительное, обеспечивающее экономическим и социальным агентам легитимную защиту прав, гарантированных действующими нормативно-правовыми актами и традициями осуществления социальных и экономических обменов;

- финансовое, предлагающее понятную и сравнительно стабильную систему фискальных и валютно-таможенных расчетов, финансовые услуги, обеспечивающие финансовые расчеты по осуществляемым обменам и равный доступ к финансовым ресурсам, а также финансовые технологии и инструменты, облегчающие управление активами;
- социальное, обеспечивающее свободу перемещения человеческого капитала и его расширенное воспроизводство.

Управление всегда предполагает целенаправленную политику. Это правило приложимо к каждому экономическому объекту, причем не принципиальны его масштабы. В каждом случае действуют собственные принципы и используются конкретные методологии, но чем сложнее объект, тем сложнее и системнее разработка и осуществление инвестиционной политики. Необходимо иметь в виду, что экономически мощные объекты управления сильно зависят от происходящего внутри и от системы отношений, существующей за их пределами. При активности объекта на нескольких рынках разумная инвестиционная политика по умолчанию подразумевает непрерывную оценку развития возможных экономических партнеров и конкурентов. В современном конкурентном мире необходимо недвусмысленное позиционирование собственных интересов. Однако нелепо отождествлять их с желаниями менеджеров разного уровня. Если речь идет об инвестициях, логично предположить, что во всех мыслимых случаях это требует трезвой оценки окружающей действительности: текущих обстоятельств, собственных потенциалов и собственной ответственности.

Национальная инвестиционная политика обязана оперировать системными представлениями о целях, средствах и механизмах развития, понимая, что исполнение любой функции не независимо от исполнения других. Каждое принимаемое решение влияет и на далекие от него сегменты социальной и хозяйственной жизни. Так, налоговые преференции хозяйствующим субъектам, поощряющие специфическую инвестиционную деятельность (например, инновационную), могут не только не увеличить суммарный объем инвестиций на предприятии (или территории), но и сократить количество рабочих мест, поскольку капитал сместится в более технологичное (при нынешних технологиях не всегда более капиталоемкое и трудоемкое) производство. Кроме того, вновь созданные рабочие места потребуют более высокой квалификации работников и, соответственно, будут приносить им более высокие доходы, провоцируя расширение спроса на более разнообразные и качественные товары и, таким образом, стимулируя производство последних. Т.е. это может послужить толчком к расширению в следующем производственном ци-

кле совершенно иных сфер деятельности, в том числе и в сфере обслуживания. По сути, снижая налоговую ставку на те или иные инвестиции, регулирующая система неформально понижает ставку процента на кредиты (или привилегированные условия их погашения), нацеливающие предпринимателей на расширенное потребление соответствующих капитальных благ. И перечисленное - лишь малая толика последствий, которые могут спровоцировать те или иные механизмы стимулирования, казалось бы, частных инвестиционных решений.

Литература

1. Ендовицкий Д.А. Комплексный анализ и контроль инвестиционной деятельности. - М.: Финансы и статистика, 2001.
2. Колтынюк Б.А. Инвестиционные проекты: Конспект лекций. - СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1999.
3. Инвестиции: Системный анализ и управление. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2005.
4. Маховикова Г.А., Бузова И.А., Терехова В.В. Инвестиции. - СПб.: Вектор, 2005.
5. Закон «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» в редакции Федеральных законов от 19.06.1995 № 89-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, с изменениями, внесенными Федеральным законом от 25.02.1999 № 39-ФЗ. <http://www.consultant.ru/>.
6. ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» В редакции Федеральных законов от 02.01.2000 № 22-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 02.02.2006 № 19-ФЗ. <http://www.consultant.ru/>.
7. «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (Вторая редакция). - М.: Экономика, 2000, с.105.
8. Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Пер. с англ. и франц. под ред. и с предисловием Гр. Сапова. - Челябинск: Социум, 2004, с.176.
9. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Орлова Е.Р., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Серия «Оценочная деятельность». Учебно-практическое пособие. - М.: Дело, 1998, с.32.
10. Маркс К. Капитал. т.2 или К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т.24.
11. Эклунд К. Наша экономика. - М.: Московская школа политических исследований, 2004, с.133.
12. Льюин Б. О некоторых вопросах банковской и денежной системы. «Вопросы экономики», 1998, № 11 http://www.libertarium.ru/1_pt_bankmyth.
13. Хаберлер Г. «Деньги и экономический цикл». <http://www.sotsium.ru/books/44/45/haberler32.html>.

14. *Шохин А.* Выступление на XV отчетно-выборном Съезде РСПП. <http://www.opes.ru/forecast.asp>.

15. *Мизес Людвиг фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории/ Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. - М.: Экономика, 2000, с.472.

16. *Вильчек В.М.* Алгоритмы истории. - М.: Аспект Пресс, 2004.

17. *Гуриев С.* Мифы экономики. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006,

18. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия. Перспективы: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Логос, 2000.